

**СТАНКЕВИЧ Леонид Павлович / Leonid STANKEVITCH,
ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович / Andrew LINCHENKO**

Россия, г. Липецк.
Липецкий Государственный Технический Университет.
Гуманитарно-социальный факультет. Кафедра философии.
Профессор, доктор философских наук.

Russia, Lipetsk.
Lipetsk State Technical University.
Department of philosophy.
Ph.D. in philosophy. Professor.

stankevitch@yandex.ru

Россия, г. Липецк.
Липецкий Государственный Технический Университет.
Гуманитарно-социальный факультет. Кафедра философии.
Доцент, кандидат философских наук.

Russia, Lipetsk.
Lipetsk State Technical University.
Department of philosophy.
Ph.D. in philosophy. Senior lecturer.

linchenko1@rambler.ru

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ И БУДУЩЕЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В XXI ВЕКЕ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Э. ДОМАНСКА «ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ПОСЛЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА»*

Основное внимание уделено сравнительному анализу представленных Э. Доманска интервью с зарубежными философами истории. Ключевой проблемой выступает выявление точек зрения на проблему онтологического и гносеологического статуса нарратива в философии истории и возможных перспектив ее развития в будущем.

Ключевые слова: нарративный поворот, философия истории, историческое сознание, исторический опыт

Narrative Turn and the Future of the Philosophy of History in the 21st Century. A Review of E. Domanska's book: "The Philosophy of History after Postmodernism"

A Review of the book "The Philosophy of History after Postmodernism". The review focuses on the comparative analysis of interviews with foreign philosophers of history, presented by E. Domanska. The key problem appears to be varying perspectives on the ontological and epistemological status of the narrative in the philosophy of history, and the prospects for its development in the future.

Key words: narrative turn, philosophy of history, historical consciousness, historical experience

Проблема языка — одна из наиболее важных проблем, объединивших в XX столетии усилия философов, социологов, лингвистов, психологов и конечно историков. Все они едины в том, что язык по праву может считаться одним из сущност-

ных оснований человеческого бытия. Одной из характеристик социогуманитарного знания XX века стал нарративный поворот, затронувший онтологию, гносеологию, этику, эстетику. Не осталась в стороне и философия истории, где обращение к языку стало одним из мощнейших инструментов деконструкции онтологической или «спекулятивной» философии истории. По мнению Франклина Рудольфа Анкерсмита, можно говорить

* Доманска Э. «Философия истории после постмодернизма». М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

СТАНКЕВИЧ Леонид Павлович / Leonid STANKEVITCH, ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович / Andrew LINCENKO

| Нарративный поворот и будущее философии истории в XXI веке |

как минимум о трех основных формах нарративизма в философии истории второй половины XX столетия: психологическом нарративизме Э. Гели и А. Лоча, акцентирующих внимание на психологических механизмах понимания читателем интенций создателя нарратива, аналитическом нарративизме М. Уайта и А. Данто, предпринявших анализ логической структуры нарративных предложений и, наконец, лингвистическом нарративизме Х. Уайта, автора знаменитой «Метаистории», где прошлое анализируется как текст.

И вместе с тем, к середине 90-х гг. среди многочисленных зарубежных исследователей и самих адептов нарратологии получает распространение скептическое мнение относительно дальнейших изысканий в области эвристического значения нарратива, его онтологического и гносеологического статуса. Важной вехой в понимании этой проблемы и стала книга Э. Доманска.

Книга Эвы Доманска — адъюнкт-профессора историографии факультета истории университета им. Адама Мицкевича в Познани — впервые увидела свет в 1998 году на английском языке. Стоит ли писать рецензию на книгу, вышедшую более десяти лет назад? С уверенностью можно однозначно положительно ответить на данный вопрос. И дело не только в том, что русскоязычный читатель лишь сейчас может познакомиться с работой Э. Доманска. Книга не потеряла своей актуальности и по сей день, что объясняется не только наличием разных направлений философии истории на рубеже веков, но и проблематичностью понимания сущности самой философии истории, ее места и роли в структуре философского и социально-гуманитарного знания. И если западный читатель привык ориентироваться в нескольких или даже в нескольких десятках интеллектуальных традиций, то для российской научной среды (вследствие утраты единой версии философии истории), поднимаемые в книге проблемы еще более актуальны. А был ли у нас в России в действительности постмодернизм? Или нам только предстоит по-настоящему пережить (или мы еще переживаем) это своеобразное явление европейской культуры. Или мы опять будем пытаться «перепрыгнуть» через один из этапов становления европейского теоретического поля, которое, так или иначе, всегда выступало для нас стимулом развития. В любом случае, необходимо знать и понимать, что мы оставляем, а что нас ждет впереди. И здесь приходится заметить, что книга Доманска (а вернее ее заголовок) на поставленный вопрос — «Что же после постмодернизма?» — ответа не дает. Первое, что приходит на ум в процессе знакомства с книгой, а она представляет собой подборку интервью представителей западной философии истории, это слова «неоднозначность суждений».

Книга содержит десять интервью Эвы Доманска с такими зарубежными исследователями в области философии и методологии истории как Х. Уайт, Х. Кёллнер, Ф. Р. Анкерсмит, Г. Иггерс, Е. Топольски, Й. Рюзен, А. Данто, Л. Госсман, П. Берк, С. Бенн. Все они являются постоянными авторами статей в журнале *Theory and History*, который однако, не является репрезентативным для всей американской, не говоря уже о европейской, современной философии истории. Впрочем, книг подобного рода вообще ранее не было. Большинство респондентов Э. Доманской явно тяготеют либо к аналитической, либо к постмодернистской нарративной философии истории. Почему, например, нельзя было бы взять интервью у Ю. Хабермаса, И. Валлерстайна, Р. Коллинза, Ф. Фу-

куямы или у Х. Г. Гадамера, Ж. Деррида, П. Рикера, Р. Козеллека, который были еще живы во время написания книги? А как же быть с Э. Тоффлером и Дж. Гэлбрайтом, когда во второй половине XX века философия истории обращалась и продолжает обращаться не только к анализу методологических вопросов исторического познания, но и к проблемам техники, глобализации, вопросам существования различных субъектов истории? В послесловии, написанном Аланом Мегиллом, профессором университета Вирджинии, специально для русского издания, можно встретить интересное рассуждение о необходимости обращения философии истории к макроисторической проблематике (с сохранением всего накопленного микроисторического знания, конечно). На протяжении всей книги создается впечатление какого-то «англо-американского научного изоляционизма», что можно, конечно, объяснить юностью интервьюэра Э. Доманской, в то время аспирантки Франклина Рудольфа Анкерсмита и страстной поклонницы постмодернистской нарративной философии истории и эстетизации языка исторического дискурса. И все же книга состоялась, и позволяет получить весьма ощутимый спектр представлений о современном состоянии философии истории и ее проблемах, причем, как говорится, «из первых рук» и в повествовательной форме. При всем при этом, собеседники Э. Доманской не дают каких-либо более или менее ясных характеристик дальнейших перспектив. Вместо этого наличествуют лишь отдельные реплики. Также любопытно заметить, что большинство авторов философии истории себя не считают, относя себя к представителям исторической науки, в то время как лучшими историками столетия называют М. Фуко и Ф. Броделя.

М. А. Кукарцева, существенно обогатившая книгу комментариями, библиографическими списками респондентов, послесловием А. Мегилла, в предисловии справедливо указывает на три важнейших вопроса, обсуждаемых в книге, — проблему перспектив нарратива как важнейшего инструмента историописания и конструирования новой философии истории и исторического сознания, использование категории «исторический опыт» в структуре философии истории, проблемы соотношения эстетического, научного и философского аспектов в историописании. Мы попытались охватить весь круг вопросов, поднимаемых в книге, и классифицировать позиции всех участников дискуссии в ответе на них. При этом мы оставляем без внимания вопросы о детстве, учебе, дружеских отношениях, источниках вдохновения респондентов и отсылаем читателя к неповторимому колориту бесед самой книги.

Итак, среди всех вопросов выделим наиболее важные: положение и перспективы философии истории, проблема кризиса исторического мышления и науки истории, перспективы марксистской философии истории, проблема истины в истории, взаимоотношения между историей и эстетикой, категория «исторический опыт» в историографической и философско-исторической практике, перспективы нарратива как познавательного инструмента, перспективы постмодернизма, отношение к Х. Уайту, возможности проекта исторической науки как синтеза науки, философии и поэтики.

Отвечая на вопрос о перспективах философии истории, респонденты не дают сколь-нибудь серьезных прогнозов. В ответах Х. Уайта, Х. Келлнера, Ф. Анкерсмита, П. Берка, А. Данто очевидно стремление рассматривать философию истории как

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

СТАНКЕВИЧ Леонид Павлович / Leonid STANKEVITCH, ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович / Andrew LINCENKO

| Нарративный поворот и будущее философии истории в XXI веке |

теорию истории, что по нашему мнению далеко не одно и то же. По их мнению, теория истории должна быть значительно ближе к практике историописания и «организации исторического материала» (Х. Уайт). По мнению Л. Госсмана, философия истории и историческая наука должны совмещать позитивистские принципы истории как *Wissenschaft* и экзистенциальные ракурсы истории как *Bildung*- процесса. «Трансцендентальная» версия континентальной философии истории представлена позицией Й. Рюзена (профессора Института наук о культуре в г. Эссене, который видит перспективы философии истории в формировании новой метаисторической позиции, ориентированной на метаисторическую рефлексию и поиски смысла истории). Отметим, что позиция Й. Рюзена — одна из самых последовательных. Являясь сторонником философии Ю. Хабермаса, Рюзен также рассматривает Просвещение и его принципы как вполне современные, пригодные для конструирования новой целостной исторической культуры, под которой он понимает деятельность исторического сознания в рамках когнитивного, политического и эстетического аспектов. Историческая культура выходит за рамки академического дискурса и, по его мнению, может быть представлена в таких проявлениях как история и музеи, роль прошлого в образовании, формирование исторических идентичностей, медиа и история, историческая легитимация политической власти, монументы, места памяти, роль истории в искусстве и повседневной жизни, эмоциональные, психологические и до-когнитивные аспекты запоминания. Подход Рюзена представляет собой попытку соединения традиционного рационалистического понимания исторической науки и нарративизма.

В ответе на следующий вопрос — *о наличии кризиса исторического мышления и кризиса исторической науки* — практически все авторы интервью ответили неожиданно однозначно. Ни о каком кризисе в историческом мышлении и даже более — в историческом сознании, по их мнению, уверенно говорить нельзя. С точки зрения Анкерсмита, история сегодня не переживает кризиса, как в 60–70-е годы XX века, когда этот кризис был спровоцирован «Анналами» и клиометристами. «Историки должны подумать о вписывании своей дисциплины в некую междисциплинарную всеохватывающую модель». По нашему мнению, речь может идти о понятии культуры или философии жизни. Г. Иггерс полагает, что то, что мы наблюдаем в последние 20–30 лет — есть не кризис, а обогащение истории, «это не кризис истории, а кризис традиционных взглядов на историю». Польский исследователь Е. Топольский, один из научных руководителей Э. Доманской в процессе ее обучения в Польше, также не является сторонником идеи кризиса. В своем интервью он говорит: «...не думаю, что история находится в состоянии кризиса. Я даже не думаю, что традиционная историография в кризисе. Просто современная философия истории заставляет нас осознать, что существует противоречие между фундаментальными допущениями историографии и таковыми же в новой философии истории». Л. Госсман вообще считает идею кризиса исторического мышления чисто немецким изобретением. История, по его мнению, запуталась в движении от модернизма к постмодернизму, однако вытеснение истории на периферию социально-гуманитарного знания вряд ли возможно. П. Берк видит новую задачу для истории в большей кооперации с культурной историей. Единственный, кто утверждает нали-

чие некоторого кризиса исторической науки и исторического мышления — это Ханс Келлнер: «да, история сегодня в кризисе и это нормально. Сегодняшние проблемы это не кризис культуры, а кризис профессии. История есть перманентный кризис нормальности».

Для отечественного читателя будет любопытно, что по вопросу о *перспективах марксизма и исторического материализма*, как варианта философии истории, практически нет суждений. И хотя некоторые авторы, так или иначе, упоминают о Марксе и даже о советском историческом материализме, определенную позицию в отношении перспектив марксистской философии истории можно найти всего у двух авторов. По мнению Е. Топольского, в теоретизировании по поводу истории надо «избегать догматизма». Его позиция наиболее близка к отечественным вариантам исторического материализма. По мысли польского исследователя, история имеет как объективный, так и мотивационный план, что вообще-то укладывается в известную схему «общественное бытие» — «общественное сознание». Другой исследователь Л. Госсман в ходе интервью не согласился с крайней антимарксистской позицией Э. Доманской, полагающей, что категории исторического материализма сегодня вытеснены на периферию. Несмотря на то, что «сегодня Маркс не на вершине» эвристический потенциал категорий марксизма, по его мнению, огромен. Достаточно положительно отзывается о Марксе Х. Уайт, который считает Маркса одним из величайших философов, когда-либо серьезно оказывавших влияние на умы историков.

Вопрос об истине в истории постоянно всплывает в нескольких интервью, несмотря на то, что постмодерн, как и вообще нарративная философия истории, много сделали для дискредитации этого основного понятия теории исторического познания. Так, Х. Уайт полагает историческую истину не только как отношение, но и как суждение, что вытекает из его «Метаистории» и теории тропов историописания. С ним отчасти соглашается Е. Топольский, который предлагает применять понятие истины не только к утверждениям об отдельных исторических фактах, но и к нарративу в целом. Возврата к классической концепции истины не произойдет, как и, по его мнению, возврата к аналитической философии истории. Е. Топольский заявляет о невозможности отказа от эпистемологии и онтологии в философии истории. Одна из наиболее перспективных для философии истории, по его мнению, это теория Х. Патнема, еще более интересно то, что он также рассматривает истину как категорию морали. Й. Рюзен полагает, что в рамках академической среды понятие исторической истины сохранится и вряд ли будет поколеблено. Срединную позицию занимает Л. Госсман, который призывает не делать выбора между уже упоминавшимися моделями истории как *Bildung*-процесса и как *Wissenschaft*.

С темой исторической истины органически связан *вопрос о взаимоотношении истории и эстетики*, который обычно исследуется как взаимоотношения между историей и искусством, историей и литературой. И здесь мы обнаруживаем сохранение базовых позиций всех зарубежных мыслителей, представленных в их более ранних работах. Х. Уайт настаивает на «поэтическом эффекте истории», А. Данто считает, что нарративное и научное объяснение спроектированы по одинаковым логическим принципам, а С. Бенн придерживается мысли о существовании особого типа исторического сознания, которое может быть создано

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

СТАНКЕВИЧ Леонид Павлович / Leonid STANKEVITCH, ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович / Andrew LINCENKO

| Нарративный поворот и будущее философии истории в XXI веке |

непосредственно художественными образами. Более умеренные позиции занимают Х. Келлнер, Й. Рюзен и Е. Топольский. Келлнер утверждает, что теория истории должна располагаться между реализмом и эстетикой, Е. Топольский считает, что исторический и литературный нарративы «одинаковы на интерпретационном и раннефактографическом уровнях, но в отношении истины — в литературе автор может только стремиться к истине, а в истории эмпирическая основа должна быть истинной». Й. Рюзен предлагает начать фундаментальные исследования эстетики в историческом сознании, «главным образом визуального восприятия в истории». Однако, эстетическое может быть эффективным в историческом сознании, по его мысли, лишь во взаимодействии с когнитивным и политическим элементами.

Проблема соотношения эстетики и исторического познания получила сегодня новое направление исследований в рамках предложенной Ф. Анкерсмитом категории «исторического опыта» как собирательной категории всех механизмов и процедур познания прошлого. Вот как сам Анкерсмит представляет данное понятие: «я имею в виду тип опыта прошлого, который был описан поэтами и историками — Гете, Хейзинга, Тойнби. В историческом опыте человек переживает радикальную странность прошлого, реальность передается с такой же непосредственностью, какая присуща возвышенному». Исторический опыт у Анкерсмита — это опыт историка. Категория «исторический опыт» смещает точку равновесия в историописании к психологическому переживанию и эстетическому созерцанию. Надо отметить, что Анкерсмит в дальнейшем очень осторожно пытался ввести данное понятие в историческую науку и теорию исторического познания. Ближе к нему стоит Х. Уайт, который видит в историческом опыте продолжение исследование вопроса о психологии исторического бытия. Более скептичен Й. Рюзен — «...опыт — не самая хорошая категория для исторического мышления потому, что в ней нет специфической темпоральности, что является необходимым условием для исторического мышления. Историческая культура должна иметь три измерения когнитивное, политическое и эстетическое». Еще более скептичны Х. Келлер, Л. Госсман и С. Бенн. Так, Л. Госсман считает эту категорию важной, но без проникновения ее в реальный процесс исторического познания. Он полагает, что пока не ясно, как осуществляется понимание истории. Другой исследователь — С. Бенн — вообще считает, что опыт никогда не сможет заменить репрезентацию, «так как единственное свойство об опыте содержится в репрезентации». К этому можно добавить лишь то, что исторический опыт, по видимому, действительно отвечает за определенный этап восприятия и понимания истории, однако, диапазон его видов (в зависимости от видов и уровней исторического сознания) может быть совершенно разным — от эстетического созерцания проблемы ученым, основывающим свой опыт на разностороннем источниковом материале, до «псевдоисторического опыта» зевак-туристов, посещающих очередной памятник старины. Чем фундировано подобное психологическое восприятие истории? Судя по недавней книге Анкерсмита, исторический опыт не должен вступать в противоречие с рациональными процедурами.

Следующий вопрос — *каковы перспективы нарратива как онтологического и гносеологического средства понимания исторического познания и исторического сознания*. Х. Уайт по-

лагает, что нарративное письмо не содержит логики. Другой важнейший сторонник нарративной философии истории — Ф. Анкерсмит подчеркивает, что «нарратив — это культурный феномен. Это эффективный инструмент придания смысла миру. По настоящему интересна не оппозиция между субъективным и объективным, но оппозиция между аутентичностью и реальностью выражений в лингвистических кодах нарратива». Или что «нарратив восстанавливает дружеские отношения между историописанием и романом». Не так оптимистичен в своих оценках П. Берк — «вы говорите нарративный поворот...я не испытываю восторга потому, что полагаю, что нарратив к которому они повернулись не был точно таким, как тот против которого они протестовали». Достаточно спокойно нарратив оценивает Й. Рюзен — «я бы не сказал, что скептически настроен в отношении нарративизма. Историческое знание имеет нарративную структуру. Я критикую scientisticкий подход к истории, когда он игнорирует нарратив как фундаментальную процедуру исторического сознания...Надо преодолевать дихотомию между нарративизмом и рациональностью...историческое мышление как целое глубоко структурировано формой нарратива. Для меня величайшая опасность нарративистской теории заключается в возможности утраты знания о классической роли исторических академических исследований в культурной и политической жизни».

Все респонденты книги положительно отзываются о Х. Уайте как о творце нового взгляда на философию и теорию истории. Также не вызвал особых возражений тезис Уайта о трансформации истории как синтеза науки, философии и поэтики.

В завершении рецензии представим ответы на главный вопрос книги «*Что такое постмодернизм и как к нему относиться сегодня?*». В целом большинство авторов интервью не видят в постмодернизме негатива, хотя и косвенно подчеркивают необходимость какого-то нового мейнстрима в европейской культуре. Хейден Уайт вообще рассматривает свой проект как модернистский. Артур Данто полагает, что модернизм был проявлением идеи прогресса, а постмодернизм нужно рассматривать как конец всех нарративов или мифов о прогрессе и вере. Для Франклина Анкерсмита постмодернизм выражает осознание того, что все в наше время указывает на тенденцию фрагментаризации, дезинтеграции, децентрализации. Ежи Топольский предлагает трактовать постмодернизм не как завершённую доктрину, но как тенденцию или определенный философский, художественный и интеллектуальный континуум. Он выделяет два встречных направления в постмодернизме — дегуманизацию и поворот к индивиду. Питер Берк и Стивен Бенн достаточно скептичны. В своем интервью Питер Берк подчеркивает: «я не склонен к постмодернизму. Последние 25–30 лет не являются уж такой новой исторической эпохой. Мне больше нравятся утверждения о текучести всех понятий». Еще более резок Стивен Бенн, который относит идею постмодернизма к классу «терминологических ловушек».

Таким образом, можно говорить о многообразии точек зрения и неоднозначности суждений представителей западной философии истории по вопросу о сущности, принципах периодизации и методах познания истории.

